

АРНАЛД
ИНДРИДАСОН
Каменный
мешок

ARNALDUR
INDRÍDASON
Grafarþögn

**АРНАЛЬД
ИНДРИДАСОН**
Каменный
мешок

Перевод с исландского
Ильи Свердлова



издательство
астрель

УДК 821.113.1-312.9
ББК 84(4Исл)-44
И60

Title of the original Icelandic edition: Grafarþögn
Published by agreement with Forlagið, www.forlagid.is and OKNO Literary Agency, Sweden

This book has been published with a financial support of
Bokmenntasjóður / Icelandic Literature Fund

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Индридасон, А.

И60 Каменный мешок / АРНАЛЬД ИНДРИДАСОН ; пер. с исландского
И. СВЕРДЛОВА. — М.: Астрель : CORPUS, 2010. — 416 с.

ISBN 978-5-271-28499-1 (ООО “Издательство Астрель”) (зеленый корешок)
ISBN 978-5-271-31249-6 (ООО “Издательство Астрель”) (черный корешок)

Арнальд Индридасон — один из самых известных и любимых в Европе исландцев. Поклонники жанра увлеченно наблюдают за необычными расследованиями Эрленда, полицейского детектива из Рейкьявика. “Каменный мешок” — продолжение шумевшей “Трясины” — в 2005 году удостоен британской литературной премии “Золотой кинжал” как лучший криминальный роман. В пригороде Рейкьявика на строительном участке обнаружен полувековой давности скелет. Мысли Эрленда заняты тяжелым состоянием дочери, лежащей в больнице. Однако он считает, что убийство есть убийство, когда бы оно ни случилось, и методично собирает крошечные обрывки информации в осмысленную картину, извлекая из небытия печальные истории нескольких исландских семей в годы Второй мировой войны. И как незадачливый отец, и как талантливый следователь он выясняет, что темная сторона общества слишком медленно меняется к лучшему...

УДК 821.113.1-312.9
ББК 84(4Исл)-44

ISBN 978-5-271-28499-1 (ООО “Издательство Астрель”) (зеленый корешок)
ISBN 978-5-271-31249-6 (ООО “Издательство Астрель”) (черный корешок)

- © Arnaldur Indriðason, 2001
- © И. Свердлов, перевод на русский язык, 2010
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2010
- © ООО “Издательство Астрель”, 2010
- Издательство CORPUS ®

Каменный мешок

1

Не могло быть никаких сомнений — годовалая девочка, сидя на полу, грызла человеческую кость.

День рождения был в самом разгаре, виновник торжества и его друзья бодро стояли на ушах. В два счета уговорив свежедоставленную пиццу и запив ее кока-колой, мальчишки снова приступили к делу, то есть принялись прыгать и орать во всю глотку. Словно по команде ураган детей и подростков выскочил из-за стола и унесся из столовой в комнату, где те, что постарше, вооружились игрушечными автоматами и пистолетами, а те, что помладше, похватали машинки и резиновых динозавров. Единственный незванный гость старался не обращать на них внимания — какой смысл гадать, во что они там играют, да и не игра это вовсе, а один сплошной бедлам.

Мать виновника торжества готовила в микроволновой печи воздушную кукурузу. Незваному гостю она сказала, мол, есть надежда, что чада немного поутихнут, если включить телевизор и поставить музыку, а если это не поможет, она просто выставит

детей играть на улице. В самом деле, сколько можно, день рождения сына — мальчику исполнилось восемь — отмечается уже в третий раз. Нервы у всех на пределе, где это видано — трижды отмечать день рождения! И как только это получилось? Сначала все семейство отправилось в дорогуший ресторан с меню, полным гамбургеров, и громающей рок-музыкой. На другой день были приглашены разнообразные родственники и друзья родителей, и праздник проходил с такой помпой, словно ребенку не восемь, а пятнадцать и у него конфирмация. А сегодня отпрыск решил позвать в гости одноклассников и других соседских детей.

Изложив вышеозначенное, хозяйка дома открыла дверцу микроволновки, вынула оттуда пакет с готовой кукурузой и поставила на его место другой. Нет, больше этому не бывать, подумала она. Когда ему исполнится девять, все будет просто — день рождения только раз в году, значит, и отмечаем единожды. Как в те времена, когда я была маленькой. И кстати, если бы незваный гость дал себе труд раскрывать периодически рот, мне было бы немного легче.

Хозяйка несколько раз пыталась завести с ним разговор, но в итоге отчаялась. Хорош гусь — расселся тут у нее в гостиной и молчит как рыба об лед, действует ей на нервы. С другой стороны, в квартире такой шум и гам — мальчишки, что с них возьмешь, — что я все равно ничего бы не услышала. Хоть бы помочь предложил, ан нет, сидит себе, смотрит в бесконечность и безмолвствует. Может, стесняется? Ну, от такой стеснительности и помереть недолго.

Хозяйка видела молодого человека впервые. Лет двадцати пяти, худощав. Пожал ей руку на пороге, сказал, что пришел за братом, одним из приятелей ее восьмилетнего отпрыска. Пальцы длинные, ладони потные, старается вести себя так, чтобы его не замечали. Младший, ровесник сына — экая у них, у братьев, разница в возрасте! — наотрез отказался идти домой в разгар веселья и убежал беситься дальше; хозяйка, покачав головой, сказала гостю, что день рождения все равно скоро закончится, так что ждать ему недолго. Тот в ответ объяснил, что приглядывает за братом, пока родители за границей, — он здесь временно, сам снимает квартиру в центре, а вся семья живет тут рядом, так сказать, на даче.

Очень странный юноша, отчего ему так неудобно? Сидит себе на диване, разглядывает сестру виновника торжества — той всего год, одета в кружевное платьице, в волосах бант, бодро ползает по полу от одной детской к другой и весело пицтит.

Черт, когда же братец наиграется? Сколько мне тут сидеть в незнакомом доме? Невыносимо! Помочь, что ли, хозяйке? Сказала, мол, муж вернется не скоро, работает допоздна.

Кивнул, изобразил нечто вроде улыбки. Вежливо отказался и от колы, и от пиццы.

Так, а что это за игрушка у девочки? Уселась на попу и грызет чего-то, слюни пускает. Наверное, зубы режутся — как работает деснами!

Девочка решила подползти поближе. Все-таки интересно, что это она такое грызет. Снова плюхнулась на попу и уставилась на него с открытым ртом. Боже, сколько слюней-то. Опять засунула иг-

рушку в рот, зажала деснами, ползет дальше к дивану. За чем-то потянулась, упала на животик, пискнула, игрушка выпала изо рта на пол. Следующие мгновения ушли на поиски пропавшего. Так, игрушка успешно схвачена вновь, и девочка ползет дальше, добирается до диванного подлокотника и с некоторым трудом встает на ножки. Не очень еще хорошо стоит, но зато ужасно горда собой. И игрушку протягивает.

Раз протягивают, надо взять в руки и рассмотреть поближе. Что это?

Девочка вдруг сообразила, что игрушки у нее больше нет, сделала круглые от удивления глаза и заверещала изо всех своих годовалых сил. Но не успела она завопить, как гость уже понял — в руках у него человеческая кость, десять сантиметров или около того длиной, отломанная оконечность ребра. Белая, круглая, края, где кость отломали, гладкие — успели стереться, — но на изломе видны какие-то коричневые частички, похоже, земля.

Да, точно, самый конец ребра. И кости порядочно лет.

Хозяйка дома решила наконец обратить внимание на вопящую дочь — и обнаружила, что та стоит рядом с незнакомцем. Отложив пакет с воздушной кукурузой, она подошла к девочке и взяла ее на руки. Молодой человек тем временем вел себя так, словно ни голосащего ребенка, ни его матери и на свете нет.

— Что стряслось? — обеспокоенно спросила хозяйка, укачивая девочку. Пришлось повысить голос, чтобы перекричать малышку и гостей ее братца.

Гость поднял глаза, встал и протянул кость хозяйке:

— Откуда она это взяла?

— Что?

— Да кость. Откуда она взяла эту кость?

— Какую еще кость?

Малышка, заметив отобранную игрушку, приутихла и потянулась за ней; изо рта ручейком текли слюни. Предприятие увенчалось успехом, и девочка принялась вертеть вновь обретенное сокровище в руках.

— Я думаю, это кость, — сказал юноша.

Девочка запихнула игрушку в рот и совсем замолчала.

— Какая еще кость?

— Да вот эта, которую она грызет. По-моему, это человеческая кость.

Мать удивленно посмотрела на работающую челюстями дочь:

— Ничего такого раньше не видела. О чем это вы, какая еще кость?

— Ну такая. По-моему, это кусок ребра, человеческого ребра. Я учусь на медицинском, — добавил гость в качестве разъяснения, — на пятом курсе.

— Человеческое ребро? Что это еще за чушь? Это вы ее сюда принесли?

— Я? Да бог с вами. Я же и спрашиваю — откуда девочка ее взяла?

Мать снова посмотрела на дочку, мигом выхватила у нее изо рта странный предмет и бросила его на пол. Девочка заверещала снова. Гость наклонился и поднял брошенный предмет.

— Может быть, об этом стоит спросить ее братишку... — намекнул гость, заглянув хозяйке в глаза.

Та в недоумении посмотрела сначала на студента, затем на вопящую что есть сил малышку, затем на кость, затем в окно, на полупустые дома вокруг, снова на кость, снова на студента и, наконец, на сына, который как нельзя вовремя появился в гостиной, направляясь бегом из одной детской в другую.

— Тоти!¹

Тот и бровью не повел, пришлось зайти в детскую и вытащить его оттуда, едва не за уши. Студент-медик протянул недовольному мальчику кость.

— Это твое? — спросила хозяйка дома.

— Да, это я нашел, — ответил Тоти.

По тону ясно, ему не терпится снова бежать играть.

— Где ты это нашел? — продолжила мать, усадив малышку на пол; та вопросительно посмотрела на маму, как бы размышляя, начинать вопить заново или покамест воздержаться.

— Там. — Мальчик показал на улицу. — А что, прикольный камешек. Я его вымыл.

Дышит, как будто пробежал марафон, по щекам ручьями течет пот.

— Где “там”? Когда это было? Что ты там делал?

Мальчик уставился на маму — вроде ничего плохого не делал, а по маминому лицу получается, что чего-то натворил. Загадка.

¹ В современном исландском — уменьшительное от “Томас”.
(Здесь и далее — прим. перев.)

— Ну вчера. Там, в конце улицы, в подвале. А что такое?

Мама и незнакомец переглянулись.

— Можешь показать мне, где ты нашел эту штуку? — спросила мать.

— Мам, ну у меня же день рождения!

— Давай-давай, идем-ка, — был решительный ответ. — Покажи нам, где ты ее нашел.

Хозяйка дома взяла дочь на руки и легонько подтолкнула сына в спину — мол, марш на улицу, и без разговоров. Друзья Тоти, заметив, что тот закрыл рот, переглянулись и последовали его примеру. Женщина тем временем положила ему руку на плечо, и тот выбежал вон, за ним вышли незнакомец и мама с малышкой на руках. Дети еще раз переглянулись и потянулись за Тоти и взрослыми.

Дело происходило в новом квартале близ шоссе, ведущего из столицы к Рябиновому озеру¹. Далеко не тысячелетний квартал гордо именовался “Миллениум”. Возвели его на склоне холма, к югу от Ямного пригорка², в тени гигантских цистерн с горячей водой — собственности компании “Рейкьявикская энергетика”. Выкрашенные в коричневую краску чудовища возвышались над новостройками как замок какого-нибудь средневекового сеньора над бедными крестьянскими хижинами. Справа и слева от цистерн пробили дороги и вдоль них возвели дома — так что

1 *Рябиновое озеро* (исл. Reynisvatn) — небольшое озеро на востоке Рейкьявика.

2 *Ямный пригорок* (исл. Grafarholt) — район в Рейкьявике назван по хутору Яма (Gröf; таких топонимов в Исландии много, название связано с ямами для изготовления древесного угля), некогда располагавшемуся неподалеку.

пороги следующих оказывались вровень с крышами предыдущих. Перед некоторыми хозяева успели разбить садики — тут и там виднелись новые лужайки и крошечные деревца, которым еще только предстояло вырасти и укрыть дворики от солнца.

Юные гости, выйдя из дому, припустили за виновником торжества на восток, по самой верхней улице, совсем рядом с цистернами. Вдоль улицы, как и в других местах, стояли новые дома, но дальше, к северу и востоку, начинались ряды домиков постарше — выдавшие виды летние “дачи”, какие были в почете у рейкьявикцев в былые года. Как и везде, мальчишки обожали недостроенные дома, лазали по лесам и играли в прятки, особенно в свежевырытых котлованах — на дне собиралась вода, и там можно было отлично плескаться.

Вот к такому котловану и подвел Тотти свою мать и незнакомца-медика, а с ними и остальную шайку-лейку. Он спустился по лестнице вниз и показал место, где нашел “прикольный белый камешек”, такой легонький и такой гладкий. Ну как можно было не подобрать такое сокровище и не положить его к себе в карман? А вот, собственно, и тот самый угол, где он нашел камешек. Мать приказала сыну отойти в сторону и сама спустилась в котлован; ей помогал студент-медик. Тотти взял у мамы “камешек” и положил его на землю.

— Вот, вот так он тут лежал, — сказал он. — Правда, прикольно?

Был вечер пятницы, рабочие давно ушли домой. Прямоугольный котлован оставался недоделан — бетонные стены возвели только с двух сторон, а с двух других была только голая земля. Студент-медик по-

дошел к земляной стене, у которой Тоти нашел “ка-мешек”, хорошенько пригляделся и ковырнул пару раз пальцем. Грунт немного осыпался, и стало хорошо видно плечевую кость человека.

Мать посмотрела на незнакомца и подошла поближе. Тот указал рукой на стену — в самом деле, плечевая кость, а чуть правее, кажется, из грунта выдается челюсть с парой зубов. Целый скелет, как будто лежит на боку.

Ее передернуло, она круглыми глазами посмотрела на юношу, затем на дочь и принялась нервно вытирать ей рот.



В первый миг она даже не поняла, что происходит, — просто почувствовала боль в виске. А оказалось, он ударил ее. Без предупреждения, кулаком по голове. Быстро управился, она даже не успела заметить, как он замахивается. А может быть, просто не могла поверить, что он ее ударил. Все последующие годы она то и дело задумывалась — укажи она ему в ту же секунду на дверь, выйди в нее сама, кто знает, не стал бы тот первый удар последним?

Это при том, конечно, условии, что он позволил бы ей выйти в эту самую дверь.

Она ошеломленно уставилась на него, не в силах понять, почему он ударил ее. Никогда прежде он не поднимал на нее руку. За три месяца, что прошли с их женитьбы, — ни разу.

— Ты чего? За что ты ударил меня? — сказала она, хватаясь рукой за висок.

— Думаешь, я не видел, как ты пялилась на него? — прошипел он.

— На него? На кого?.. Ты про Снорри, что ли? Пялилась на Снорри?

— Думаешь, я ничего не заметил? У тебя вся рожа опухла от похоти, думаешь, я не заметил?!

Впервые она видела его таким. Никогда прежде не слышала от него этого слова — похоть. О чем он вообще? Да, они немного поболтали со Снорри в прихожей. Она просто хотела сказать Снорри “спасибо” за то, что он забежал к ним занести пару вещей, которые она забыла у хозяина, — а приглашать зайти не стала, муж весь день в плохом настроении, ни к чему. Снорри рассказал ей смешной случай из жизни хозяина, они посмеялись, а там Снорри и ушел.

— Я просто болтала со Снорри, ты ж его знаешь, — сказала она. — Что с тобой? Ты весь день не в себе, что такое?

— Ты что, сдурела? Ты что, перечить мне намерена?! — спросил он и подошел почти вплотную. — Я все видел в окно, ты плясала вокруг него, как шлюха!

— Да нет, ну что ты...

Он снова ударил ее по лицу кулаком, она не удержалась на ногах и упала на посудный шкаф, даже не успела рукой закрыться.

— Не смей мне вешать на уши лапшу! — заорал он. — Я видел, как ты на него смотрела. Видел, как ты его подначивала! Своими глазами видел! Блядь подзаборная!

Еще словечко, какого прежде от него не слыхивали.

— О боже мой, — застонала она.

Верхняя губа кровоточила, во рту стало солоно от крови и от слез.

— За что? Что я такого сделала?

Он навис над ней, словно собирался бить ее дальше. Красный как рак от ярости, глаза налиты злобой, зубы сжаты. Топнул ногой что было сил, повернулся к ней спиной и вышел вон из подвала. Она не двинулась с места, не в силах понять, что произошло.

Частенько вспоминала она тот день, и чем дальше, тем чаще. Все время думала: а изменилось бы что-нибудь, наберись она смелости не уступить насилию, решилась она в ту же секунду выйти вон и оставить его навсегда — а не примись, как было на самом деле, оправдывать его и обвинять себя, искать объяснения его выходкам? Ведь должно же быть какое-то объяснение! Нет, что-то его заставило так поступить. Наверняка она что-то такое натворила, сама того не понимая, а он заметил. Ну конечно! И она поговорит с ним об этом, когда он вернется, и пообещает впредь вести себя хорошо, и все будет как прежде.

Она никогда раньше не видела, чтобы он вел себя так — ни с ней, ни с кем другим. И с ней, и с остальными он всегда был человеком спокойным, можно даже сказать — степенным. Это-то ей в нем и понравилось больше всего в начале знакомства. Ну и что, что немного мрачный да молчаливый? Работал он в Лощине¹ у одного торговца, а она прислу-

1 *Лощина* (исл. Kjós) — округа к северу от Рейкьявика, на южном берегу Китового фьорда (Hvalfjörður).

живала у его брата, и он от случая к случаю навещал их по делам своего хозяина. Так они и общались года полтора. Лет им было примерно поровну. Он все время говорил, мол, батрачить надоело, а вот хорошо бы наняться матросом. Так и заработать можно неплохо, глядишь, хватит и на собственный дом, и он сам будет себе господином. Батрачить — это недостойно человека, на тебя все смотрят сверху вниз, да и какой там заработок! Считай, что и нет его.

Так ведь и ей опостылело в горничных ходить! Хозяин мало того что скупердяй, каких свет не видывал, так еще и повадился лапать служанок, а баба его — сущий тролль, ух как любит страху нагнать, служанок держит в ежовых рукавицах. Впрочем, чем бы ей по-настоящему хотелось заняться, она не представляла. Никогда всерьез не думала о будущем. С малых лет только и знала, что прислуживать. Уборка да стирка — вот и вся ее жизнь.

А он меж тем все чаще навевался к хозяину, не пропуская и кухню, где она работала. Они говорили о том о сем, и долго ли, коротко ли, она рассказала ему про ребенка — у нее девочка, скоро будет три года. Он ответил, что сам знает. Мол, расспрашивал про тебя разных людей. Тут-то она впервые и сообразила — он, оказывается, давно хочет познакомиться с ней поближе. Решила сходить за дочкой, та с детьми хозяина играла на заднем дворе.

Увидев их с девочкой, он сказал, видать, ты из тех, кому романы охота крутить. Сказал, весело улыбаясь, — так она решила тогда. Это ведь только потом он принялся ежедневно бранить ее распутной девкой — ни от чего ей не было так больно, как от

этих слов. Дочку никогда не называл по имени, выдумывал для нее мерзкие прозвища, а чаще всего просто бросался словами вроде “выблядок” и “калека”.

Никаких романов она, конечно, не крутила. Девочка не виновата, что оказалась незаконнорожденной. Ее отец, рыбак из Коллиева фьорда¹, утонул двадцати двух лет от роду — попал в жуткий шторм, вместе с ним сгнуло еще трое. Он и не знал, что оставил подругу беременной. Но называться вдовой ей было как-то не к лицу — ведь они не успели пожениться, хотя и собирались.

Он сидел себе посреди кухни и слушал, и тут она заметила — дочка ни за что не хочет к нему подходить. Застенчивостью малышка вообще-то не отличалась, но как он позвал ее подойти поближе, схватилась что было сил за мамину юбку и не сдвинулась с места. Вынул из кармана леденец, протянул ей — девочка ни в какую, еще глубже зарылась в складки юбки и заплакала, мол, хочу обратно на двор к ребятам. А ведь так любила леденцы.

Спустя два месяца он сделал ей предложение. Ничего похожего на то, как она себе это представляла по разным девичьим книжкам. Разве так ухаживают? Они просто ходили погулять в город, смотрели картины с Чарли Чаплином. Ей Чаплин очень нравился, она смеялась от души над приключениями непутевого бродяги. Поглядывала то и дело на него — он все время сидел словно каменное изваяние. Однажды вечером, выйдя из кино, они стояли на ули-

1 *Коллиев фьорд* (исл. Kollafjörður) — небольшой фьорд к северу от Рейкьявика, под самой горой Эсья (Esja).

це, ждали попутную машину обратно в Лошину, и тут он сказал, что им надо пожениться. Просто прижал к себе и сказал:

— Я хочу, чтобы мы поженились.

Как неожиданно! Она так удивилась, что и не обратила в тот миг внимание на его слова. Лишь много времени спустя, когда ничего уже нельзя было исправить, ей пришло в голову, что никакое это было не предложение.

Я хочу, чтобы мы поженились.

Ни слова о том, чего хочет она, — только о том, чего хочет он.

Она, правду сказать, уже подумывала, не намерен ли он попросить ее руки. В принципе уже пора, учитывая, сколько времени он к ней ходит. Тем более мальшке нужен свой дом, да и ей самой. К тому же она не прочь завести еще детей. А что до мужчин, то, кроме него, на нее никто особенно и не заглядывался. Может, как раз из-за дочки. Да она и сама, наверное, не считала себя особенно привлекательной: в самом деле, невысокого роста, чуть полновата, черты лица резкие, передние зубы немного торчат, руки маленькие, натруженные, все время в движении. Кто знает, будет ли у нее другой шанс.

— Ну, что скажешь? — спросил он.

Она кивнула, он обнял и поцеловал ее. А вскоре и свадьбу сыграли, в церкви на Хуторе у Мшистой горы¹. Гостей всего ничего — они двое, кое-какие его друзья из Лошины да две ее подруги по ра-

¹ *Мшистая гора* (исл. Mosfell) — гора и город (Mosfellsbær) к северо-востоку от Рейкьявика.

боте из Рейкьявика. После службы священник пригласил их выпить кофе. Она попыталась расспросить его, теперь уже мужа, про семью и родных, но он не хотел об этом разговаривать. Сказал, что ни сестер, ни братьев у него нет, отец умер, когда он был еще совсем маленький, а мать решила отдать его на воспитание к другим людям. Так он и перебирался с хутора на хутор, пока не нанялся разнорабочим в Лошине. Про ее семью даже спрашивать не стал, вообще, прошлое не слишком его интересовало. Она сказала, что и у нее похожая история — кто родители, она не знает, сначала ее отдали в приют, потом она росла то у одних людей, то у других, в Рейкьявике, а там устроилась горничной к торговцу. Он в ответ кивнул:

— Вот и славно. Мы начнем новую жизнь, а прошлое забудем.

Они сняли подвальчик на Ключевой улице¹, две комнаты — крошечная гостиная и кухня, туалет снаружи. От торговца она ушла — он сказал, мол, ни к чему ей теперь работать, теперь он обо всем будет заботиться. Сам пошел в порт, устроился покамест рабочим, а там, глядишь, найдет себе место и на корабле. Заделаться моряком — что может быть лучше?

Она стояла посреди кухни и держалась за живот. Она еще не сказала ему, но сама была уверена, что снова беременна. Всегда этого хотела. Про него не очень понятно — все время такой серьезный и мол-

1 *Ключевая улица* (исл. Lindargata) — улица в центре Рейкьявика, к востоку от Эрнова пригорка (Agnarhóll, назван первопоселенцем Ингольвом сыном Эрна в честь отца), близ порта. Некогда неподалеку был источник, отсюда название.

чаливый, хотя они частенько говаривали о том, чтобы завести еще детей. Она уже знала, как назовет ребенка, если родится мальчик, — очень хотела мальчика. Решила, звать его будут Симон.

Она слыхала всякие истории. Слыхала про мужчин, которые поднимают на жен руку. Не смела поверить, что и он — из таких. Слыхала про женщин, которые мирились с этим. Не смела поверить, что и она — из таких. Не смела поверить в случившееся. Это, наверное, случайно так вышло, заключила она про себя. Наверное, он подумал, я решила чего-то закрутить со Снорри. Ну вот мне урок, в следующий раз буду осмотрительнее, и больше такого не повторится.

Погладила себя по лицу и всхлипнула. Какие, однако, страсти порой властвуют над человеком. Но ничего, он скоро вернется и сразу попросит у нее прощения. Скажет, что больше никогда так не сделает. Ведь иначе и быть не может. Как же еще!

Не очень хорошо понимая, что предпринять, она отправилась в спальню посмотреть на дочку, на малышку Миккелину. Та утром проснулась с температурой, но потом заснула и проспала почти весь день. Наверное, спит и сейчас. Ага, спит. Взяла дочку на руки — о-го-го, прямо раскаленная! Села на кровать с девочкой на руках и запела песенку, тихо-тихо, все еще в шоке:

Бегут по дорожке
Маленькие ножки.
Длинные носочки
У моей у дочки.

Девочка отрывисто дышала. Грудь малышки поднималась и опускалась едва не каждую секунду, то и дело слышался легкий свист. Лицо красное как рак. Она попыталась разбудить дочку, но Миккелина не желала просыпаться.

Она похолодела от ужаса.

Лихорадка. У девочки лихорадка.

2

Звонок о находке в Миллениуме приняла Элинборг. Она уже собиралась уходить с работы, когда зазвонил телефон. Кроме нее, в кабинете никого не было. Она остановилась, посмотрела на часы, затем на аппарат. Вообще-то ей пора домой, к обеденному столу — курица тандури мерещится ей целый день. Тяжело вздохнув, Элинборг сняла трубку.

На вид лет сорок—пятьдесят, фигура ровно настолько пышная, чтобы не казаться полной. Главная страсть в жизни — еда. Четверо детей, трое своих, один ребенок приемный. Вышла замуж, развелась, вышла замуж снова — за автомеханика, который без ума от ее стряпни. Живет с новым мужем и отпрысками в доме в Ямной бухте¹. По образованию геолог, но ни дня не работала по специальности. Устроилась в полицию Рейкьявика замещать кого-то на лето, да так и осталась, став одной из немногочисленных женщин-следователей.

¹ *Ямная бухта* (исл. Grafarvogur) — бухта и одноименный район Рейкьявика, названы по тому же хутору Яма, что и Ямный пригорок.

Пейджер запищал в самый неподходящий момент — Сигурд Оли был занят делом, отдаваясь со всей полагающейся страстью буйным ласкам своей подруги Бергторы. Пейджер висел на ремне оставленных в кухне брюк, откуда и доносился теперь адский писк. Сигурд Оли знал — пока он не выберется из кровати, проклятый приборчик не заткнется. Он сегодня ушел пораньше с работы, но Бергтора опередила его и встретила прямо в дверях сногшибательным поцелуем. Незначительное время спустя штаны Сигурда Оли оказались на кухонном полу в компании телефонного шнура, насильно разлученного с родной розеткой, и выключенного мобильного. Следовало, конечно, заодно и пейджер лишить возможности подавать признаки жизни — но эта мысль вылетела у Сигурда Оли из головы.

Забывчивый хозяин, весь в поту, от страсти красный, тяжело вздохнул и поднял глаза на сидящую на нем наездницей Бергтору. Выражение ее лица не оставляло сомнений — так сразу она его и не подумает отпускать. Подруга закрыла глаза, легла ему на грудь и методично продолжила работать бедрами, пока смена ритма и расслабление миг назад сведенных в экстазе мускулов ее тела не подсказали подлежащему, что дело сделано.

Хорошо же ей живется! А вот ему, Сигурду Оли, придется подождать до следующего раза. В его мире пейджер — важнее всего.

Он аккуратно выскользнул из-под Бергторы, она же осталась лежать на подушке с таким видом, словно это был не оргазм, а нокаут.

Эрленд сидел в кафе “У Скули” и уплетал за обе щеки ягнятину. Он частенько заглядывал туда — где еще в Рейкьявике найдешь настоящую традиционную исландскую еду, такую, какую приготовил бы себе сам Эрленд, найдись у него время. Да и интерьер ему по душе — стены забраны коричневыми панелями из ДСП, кресла все старые, из трещин в обивке — выдавший виды кожзаменитель — торчит поролон, на полу протертый до дыр линолеум, по которому прошла не одна сотня пар ног завсегдаев — водителей грузовиков, таксистов, крановщиков, разнорабочих и прочей публики в этом роде. Эрленд нашел себе столик подальше от прочих и уселся за него в гордом одиночестве, намереваясь отдать должное жирной ягнятине, вареной картошке, зеленому горошку и тушеной капусте, каковые были в избытке водружены на тарелку и избыточно же политы сладким белым соусом.

Основной поток обедающих уже схлынул, но Эрленду удалось уговорить шефа поделиться и с ним творением рук своих. Хорошенько сосредоточившись, Эрленд отрезал добрый кусок мяса, насадил его как следует на вилку, добавил сверху картошки и капусты, утопил все это великолепие в соусе, а затем отправил сие произведение кулинарного искусства в собственную пасть, в бездне которой оно незамедлительно и исчезло на веки вечные.

Стоит, пожалуй, повторить, здраво рассудил Эрленд и принялся сооружать новую порцию божественной снеди. Но не успел работник вилки и ножа разомкнуть челюсти, дабы проглотить заготовленное, как зазвонил лежащий рядом с тарелкой на столе те-

лефон. Вилка, ломящаяся от яств, замерла в воздухе. Повелитель ягнятины с картошкой поглядел сначала на телефон, затем на вилку, затем снова на телефон и с нескрываемым сожалением вернул в тарелку первую и взял в руку второй.

— И какого же врага рода человеческого означенный род не желает оставить меня в покое? — сказал он, не дав Сигурду Оли и рта открыть.

— Нашли скелет в Миллениуме, ну знаешь, такой новый квартал на востоке, — сообщил Сигурд Оли. — Мы с Элинборг уже направляемся туда.

— Какой еще скелет?

— А черт его душу знает. Мне позвонила Элинборг, я уже еду. Криминалистов тоже вызвали.

— Приятель, понимаешь, какая история, я тут вообще-то обедаю, — медленно, растягивая слова, сказал Эрленд.

Сигурд Оли едва не выпалил, чем занимались они с Бергторой, когда поступил звонок из участка, но каким-то нечеловеческим усилием удержался.

— Короче, увидимся на месте, — сказал он. — Это по дороге к Рябиновому озеру, ну ты знаешь, там цистерны с горячей водой, вот к северу от них. Недалеко от Западного шоссе¹.

— Кстати, а что это такое — “миллениум”? — спросил Эрленд.

— А? — не сказал, а выплюнул Сигурд Оли, все еще в ярости от того, что им с Бергторой помешали.

¹ *Западное шоссе* (исл. Vesturlandsvegur) — улица в Рейкьявике, на востоке города.

— Я говорю, что это за слово такое, “миллениум”? Вот, скажем, “линолеум” я знаю, “У Скули” все полы в линолеуме. А “миллениум” — нет. Это что, несколько слов вместе? Ну да, “мил лени ум”. Но это какая-то странная философия, ты не находишь? По моему, если лени что и мило, так точно не ум. Как думаешь?

— О боже ж ты мой! — застонал Сигурд Оли и бросил трубку.

Три четверти часа спустя дышащий на ладан двенадцатилетний японский автомобильчик Эрленда припарковался у котлована на Ямном пригорке. Полиция прибыла на место раньше и огородила котлован желтой лентой. Эрленд пролез под нее и спустился вниз по лестнице; там его уже ждали Элинборг и Сигурд Оли, а с ними — юный студент-медик, который и позвонил в участок, и врач из Рейкьявика, полный мужчина лет пятидесяти. Малышню с дня рождения увели домой.

Новость про скелет вызвала известный интерес у газет и телевидения. Вокруг огороженного пространства толпились соседи и журналисты. Кое-кто приехал сюда, прознав про находку, другие, занятые работой в своих домах, дивились на собравшуюся толпу, не выпуская из рук мастерки. Был конец апреля, теплый весенний вечер, погода стояла прекрасная.

Криминалисты трудились у стены, осторожно пытались расковырять слежавшуюся землю совочками. Все, что удавалось высвободить, шло в специальные пластиковые пакеты. Работа не очень спорилась, но

верхнюю часть скелета было уже неплохо видно — Эрленд различил плечевую кость, часть грудной клетки и нижнюю челюсть.

— Значит, как, говорите, квартал называется, Миллениум, да, “тысячелетие”? Стало быть, нашему взору предстал не кто-нибудь, а Жмурик тысячелетия собственной персоной? — спросил Эрленд и подошел поближе.

Элинборг и Сигурд Оли пропустили Эрленда вперед и переглянулись. Элинборг покачала головой, Сигурд Оли в ответ покрутил пальцем у виска.

— Я позвонил в Национальный музей, — сказал Сигурд Оли, почесывая затылок. — Так что должен сообщить вам, господа, пренеприятное известие — к нам едет археолог. Возможно, он разъяснит нам, с чем мы тут имеем дело.

— Может, заодно и геолога пригласим? — предложила Элинборг. — Чтобы посмотрел на почву, в каком слое лежат кости. Так легче будет определить время, когда нашего жмурика закопали.

— А ты нам в этом плане ничем не можешь помочь? — спросил Сигурд Оли. — Ты же вроде геолог по образованию?

— Да я ничего уже и не помню, — призналась Элинборг. — Ну вот это коричневое, кажется, называется “грунт”.

— Если это могила, то копали ее наспех, положенных шести футов близко нет, — сказал Эрленд. — От силы метр — метр двадцать. Торопились. Останки однозначно человеческие. Причем недавние. На первопоселенца не тянут. Да и то, Ингольва мы здесь найти не могли.

— Какого еще Ингольва? — не понял Сигурд Оли.

— Как какого? Ингольва сына Эрна, первопоселенца, основателя Рейкьявика, одного из первооткрывателей Исландии! — удивленно пояснила Элинборг.

— А почему вы думаете, что это он? — спросил врач.

— Мы и не думаем, по легенде, Ингольв якобы похоронен в кургане близ современного Доильного водопада¹, — сказал Эрленд.

— Да я не об этом, вы говорите “он”, а ведь это может запросто оказаться и “она”. Почему вы решили, что это скелет мужчины?

— И то верно, — согласился Эрленд. — Впрочем, мне все равно. Главное — вы нам можете что-нибудь сказать про эти кости?

— Да что тут скажешь, скелета как такового считай что и не видно, — ответил врач. — Зачем мне играть в угадайку, пока вы не извлекли все из земли?

— Ну хотя бы мужчина это? Женщина? Сколько ему или ей было лет?

— Ничего не могу сказать.

Тут к ним подошел еще один человек и назвался археологом. Одет в шерстяной свитер, на ногах сапоги, росту высокого, седая борода, вся в колтунах, квадратная челюсть, когда раскрывает рот, видны два здоровенных желтых клыка. И не подумав представиться, гость первым делом кинул взгляд на занятия криминалистов и немедленно приказал прекратить этот дилетантский идиотизм. Люди с совоч-

¹ *Доильный водопад* (исл. Selfoss) — город на юго-западе Исландии, к юго-востоку от Рейкьявика, на реке Эльфуса (Ölfusá). Центр исландской молочной промышленности.

ками от удивления замерли и вопросительно посмотрели на Эрленда. Тот еще видок, заметил следователь про себя, одеты в белые комбинезоны, на руках резиновые перчатки, на глазах защитные очки — можно подумать, у нас тут не котлован со скелетом, а атомная электростанция.

— Коллеги, побойтесь бога! Сбоку никто не копает! Нужно аккуратно разрыть все сверху, — продолжил клыкастый, воздев руки горе. — Вы что, собирались его по косточкам выковыривать? Вообще, кто здесь главный?

Эрленд ткнул себя пальцем в грудь.

— Это, конечно, не археологическая находка, — сказал клыкастый и пожал Эрленду руку. — Да, кстати, добрый день, звать Скарпхедин, так я к чему, мон шер, пусть это и не археологическая находка, но лучше всего нам будет тут применить именно археологический подход, ан масс, так сказать. Ву компрене?

— Понятия не имею, о чем вы, — сказал Эрленд.

— Скелет провел в земле пренебрежимо малое время, от силы шестьдесят—семьдесят лет, навскидку. Может, и меньше того. Даже одежда не успела полностью сгнить.

— Одежда?

— Да, вот, поглядите сюда, — ткнул Скарпхедин толстым пальцем в выступающие из земли ребра. — И в других местах тоже.

— Я думал, это мумифицированная кожа, — потупил взор Эрленд.

— По-моему, самое разумное, дабы не уничтожить случайно важные улики, — это вызвать сюда мою команду. Мы все и раскопаем, на то мы и археологи.

Ву компрене? А ваши эксперты нам помогут. Надо отгородить раскоп, добавить еще этой вашей желтой ленты, а там мы постепенно доберемся до скелета, ничего не повредив. Это у нас, у археологов, не принято, повреждать, что в земле хранится, ан масс. И вообще, само расположение костей может говорить очень о многом. А среди того, что мы найдем вокруг, могут оказаться и другие ключи к произошедшему.

— И что же, по-вашему, тут произошло? — спросил Эрленд.

— Понятия не имею, — сказал Скарпхедин. — Рано пока гадать. Надо сначала все это раскопать, а там, глядишь, дело и прояснится.

— Как думаете, это несчастный случай? Человек просто не дошел до дому, замерз насмерть, а там его землей засыпало?

— Нет, едва ли. Слишком глубоко лежит.

— Значит, его закопали?

— Скорее всего, — с важным видом подтвердил Скарпхедин. — Это наиболее вероятно. Ну так как, мон шер, по рукам? Начинаем раскопки?

Эрленд кивнул.

Скарпхедин решительным шагом направился к лестнице и в единый миг оказался на краю котлована, у той стены, из которой торчали ребра. Эрленд, как мог, старался поспевать за ним. Лопочет без умолку, объясняет, как и что надо раскапывать. Впрочем, Эрленду клыкастый понравился — кажется, говорит дело. Не прошло и десяти минут, как Скарпхедин уже звонил по мобильному, вызывал своих людей. Эрленд читал о нем прежде — археолог имел отноше-

ние ко всем важнейшим раскопкам в Исландии. Пусть он и займется скелетом — по крайней мере поначалу.

Начальник группы экспертов был прямо противоположного мнения. Брызгал ядовитой слюной — как можно доверять поиск улики каким-то археологам, которые ни черта лысого не смыслят в криминалистике? Лучше и быстрее всего выковырять скелет из стены как есть, этого хватит, чтобы определить, как его положили в землю, и разобраться, идет ли речь о насильственной смерти. Эрленд внимательно выслушал тираду коллеги, а затем постановил, что раскапывать скелет будет Скарпхедин и его команда, пусть это и займет больше времени.

— Не вижу причин пороть горячку. Скелет пролежал тут с полвека, день-другой погоды не делают.

Возражать никто не стал.

Эрленд огляделся. Вот новые дома, кое-какие уже построены, кое-какие еще достраиваются. Вот выкрашенные в коричневую краску цистерны с горячей водой, а дальше, хотя его и не видно, лежит Рябиновое озеро. Это все, если смотреть на юг. А на востоке и нет ничего, туда город еще не пришел, одни лишь покрытые зеленой травой холмы.

Нет, постойте-ка, а это что у нас тут? Четыре каких-то куста, метрах в тридцати от дома. Эрленд подошел поближе. Как любопытно, красная смородина. Не сами выросли — посажены в ряд, с востока на запад. Интересно, подумал он, поглаживая изогнутые, голые ветви, кто это тут посадил, на ничейной земле, посреди ничего?